

«Неопознанное движение»

Сергей КАРСАЕВ,
председатель «Клуба
любителей импровизации»

* * *

Туда,
где в облачном
пространстве
отвесно плавилось стекло
в необозримом

постоянстве
пустое время пролегло,
и капель певчего металла
катился жаворонок-

слеток,
и степь бессмысленно
стекала,

шурша дрожащей
позолотой,
и опрозраченный,
и жаркий

песок плескался под
ногами,
и белой марлей без
помарки

эфир мерцал над
ковылями.

Вяз с тощей тенью
Дон Кихота
бдил это знойное

движение
как бы в презрительной
дремоте,

как бы солдат
Сопротивленья.

1978

Как шенок зарывается
в ветошь ночной тишины,
чтоб постыдную дрожь
перед миром не выдать,
ухожу сквозь затворы

застав
обложных
разменять на забвенье
позор и обиду.

Ухожу от нашествия
траурных плит,
от затмений,
на смертные будни

похожих,
за плечами которых
сопят упыри

с орденами;
прибитыми к пепельной
коже.

Отряхаю колючую
изморозь лжи,
запустившую шупальца

в самую душу.
Я на вдохе сумел
разлюбить эту жизнь,

а на выдохе
память сумею разрушить.

Сквозь проросшие
шерстью тоски голоса,
сквозь позорно любимое
сильное тело

ухожу навсегда в никуда,
в небеса

над промерзшей равниной
казенных пределов.

1987

Мы теперь переходим
в библейскую область
магических свойств
гармонических особей,
пасынков света,

на окраинах правил
эдемского лета
говорящих на равных
с блудливой листвою.

К счастью, мы не хозяева
рыхлых строений судьбы.
Мы — слепые стрелки
по прозрачным мишеням.

Только кайф

беспорядочный
праздной стрельбы
растворяет в крови
сладострастные тени.

Пиктограммы в
беспамятстве

пляшущих рук
мы способны расправить
в любом направлении.

И в прозрачно очерченных
снах облученья
нам все чудится пастырь,
попутчик и друг.

* * *

Шумят в туалете
фекальные рожи.
Старик вспоминает
название реки,
похожей на карте

на ленинский росчерк
под стершейся балкой
партийной строки.
На стенах начертано
время восхода.

знамен за ущербным
кухонным проемом,
Старуха,
разбитая делом и словом,

гадает на признаках
времени года.
Кому-то их жаль
Из дырявой «Октазы»

сочатся, как плесень,
косые смычки.
В углу над кушеткой
базарная слава

нонотливо морщит
седые виски.
И всем все равно,
кто теперь верховодит

в толпе,
голосащей на дне
кинескопа.

Их память глотает
вчерашний копыт,
входя бесконечно
в стоячую воду.

ПОГАСИИ, инженер

Желание быть ближе к дельфинам

Среди знакомых своих
ног движениями
удерживающих
в мягком пространстве
прозрачной
бликами света окрашенной
теплой воды

нелепые позы тел
называющиеся четырьмя
стилями

приближения человека
к рыбам
погруженный в раздумья
о том

что похожий
на белую длинную рыбу
нырляю не хуже
стараясь забыть
о дыхании

спазмом душащем
легкие

плыву
обретая со временем
форму свободного
от бранных земных
философий

нечеловека
Из плит голубых
и скользких

чаша бассейна выложена
фонтаны и водопады
срываются пенной
свежестью

с уступов гранитных
фигур

Мой давний друг
высокая полная женщина
внесла неизвестно
откуда

дельфина
и положила на воду
он серым блестящим
изгибом

будто упал в глубину

навстречу
в каком-то смятении
радостном
моему невесомому телу
его я обнял
чувствуя крепкие
мышцы плывца
и целовал

восхищенный
этой подводной птицей
желая подобием быть
но женщина отстранила
вдруг грубо меня

от дельфина
не объясняя мотивов
поступка

возмущенный я вылез
на бортик бассейна
и сел на высокий стул
красного дерева

наблюдая скольжение
тени дельфина
В одно из мгновений
стремительно
приближаясь

из дымки голубой
глубины
за воздухом
он выпрыгнул из воды

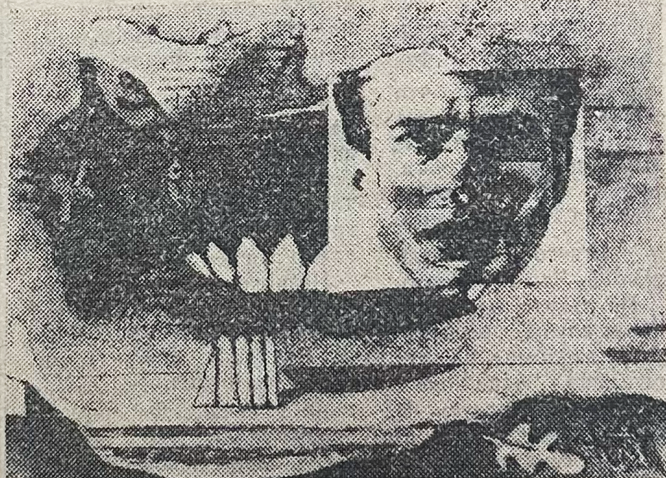
на руки мои
РЕБЕНКОМ

обнял за шею
и самое главное
произнес ПАПА
что сильно

меня взволновало
а женщина
в ясном желании
досадить

сказала
А ОН И МЕНЯ
МАМОЙ ЗОВЕТ
и я заплакал

так сильно желание было
единственности родства.

Геннадий ТВЕРИТИН,
рабочий, г. Волжский

* * *

последний
троллейбус на Лондон
обжитый молочным
туманом

в ладони
прозрачная рыба
как тонкий кусочек
стекла

и маленький
бронзовый мальчик
с бумажным как воск
чемоданом

стоящий в музейной
витрине

пространства
с названием Земля
и красный пластмассовый
лист

все падает в низкое
небо
два сердца застыли
в груди

как створки немого окна
и старая рыжая ночь
скрипела вдали как

телега

на скатерти белого цвета
оставив три капли вина
картонный

укажет путь компас
в четыре стены горизонта
эфритка в бантах и
садовник

застынут у клумбы
цветов
и плесковый радужный
шар

с небесного скатится
фронта
к флагштоку моих
ожиданий

с повешенным телом
часов

безмолвны в свечах
галереи

виньетками теней
блуждая
и демисезонная осень
стоит гильотиной

над мокрой площадью
бетона
стою и себя провожаю
последний

троллейбус на Лондон
спеша показавшись в огнях.

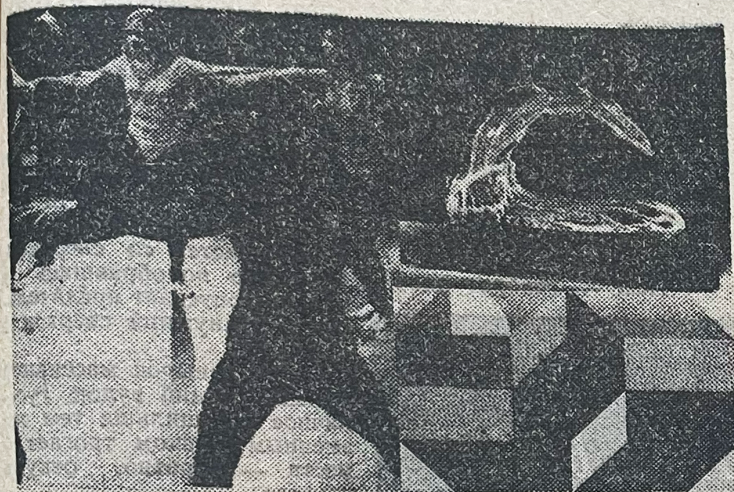
Игорь ОРЛОВ,
лидер рок-группы
«Ход воспрещен!»

Кто ты?

Кто ты, странник, —
победитель мельниц,
поведитель вдов?
Кто твой странник —
ломан лук, а стрелы
брошены в окно.
Кто ты ищешь —
спасения от смерти
бегстве сквозь года?
Поздно, слышишь, —

Мне нечего делать здесь

Мне нечего делать,
Мне нечего делать в раю,
Нет крыльев — зато
вместо них есть грехи.
Значительность тонет
в бездонных морях
чепухи —
Мне нечего делать в раю.
Мне нечего делать,
Мне нечего делать в аду.
Понуда лукавый мне Бес
не наставил рога.
Я жандал паденья,
но ты была слишком
строга —
Мне нечего делать в аду.

Ты уже не первый,
Первым был Адам.
Кто ты — тень луны,
Рыцарь чих-то грез,
Призрак тишины —
Кто ты?
Кто ты, странник, —
Утро или вечер,
Шут или рапсод?
Кончен праздник,
Ты уже не вечен —
Вечен был господь.
Кто ты, сталь в глазах,
Устремленных в ночь?
Время ли сказать,
Кто ты?..

Но пока тебя здесь нет.
Все не так, и мне
Нечего делать здесь...
Мне нечего делать
среди беззаботных сердец
Когда, как крапленые
а тридцать в тени,
когда, как крапленые
карты,
таются дни —
Мне нечего делать здесь.

Сумасшествие

Во мне жив ребенок
с глазами Луны,
Полночный историй герой,
Веселый колдун

жуелица моя
безвременья глашатай
ржавеющий каньон
как гнутый керогаз
и ломтик воскресенья
надменно полосатый
спадающий как сон
на глинистый пейзаж
в нем старенькая верфь
осела одиноко
под ворожбою лет
у пятнышка реки
и пряча белый диск
под изумрудом стекол
идут как сердце матери
незримые часы
горячей смолкой воздух

стекает над холмами
рассеивая в свет
лучи из люстры дня
и с косами песка
встречаясь глазами
уходят мысли к двери
небесного крыльца
за ней летит журавль
картавый белокрылый
как вымпел из гуаши
на бархатном листе
и в золотом хитоне
невиданное диво
идет с зеленой тростью
в разлитой чистоте
и там на дне ее
фигурка человека
с наложницей чье тело
взял бронзовый загар

из волшебной страны,
И странник, идущий домой.
Во мне жив влюбленный,
что верит в любовь,
И доктор разбитых сердец.
Во мне жив строитель
воздушных мостов,
Хранитель огня и отец.
Еще один малый,
что верит в судьбу,
Певец, воспевающий свет...
Но часто над ними довлеет
горбун,
Угрюмый и мрачный аскет.
Еще есть игрок,
что остер на язык,
И скромник застенчивый

А с ними — философ,
угрюмый старик,
Сварливый и падкий
на лесть.

А где-то меж ними
теряются льстец,
Безумец, слепой звездочет,
Невинный художник
и дерзкий наглец,
Изгнанник и кто-то еще.
Бессребренник рыцарь
и ветреный шут,
Обманщик и искренний
друг...

Когда-нибудь я
у тебя спрошу,
Кем был я и чью вел игру.
Я создан зачем-то
из этих людей,
Как сложен из стекол
витраж —
То ангел без крыльев,
то просто злодей,
властитель и преданный
паж.

Зачем мне все это?
Я кто-то из них,
А, может быть, просто
болван —
Я мог бы понять это,
но, извини,
Ужасно болит голова...

и солнце опоздало
к полудню на полвека
став милым пастушком
для облачных отар
и меднокрасный на
цветке спал медонос
и в мочке лодочка
качалась серьги
и на колени
опустившийся утес
тянулся к чаше
перламутровой воды
в ней таял свет
и желобок сознания
катал по кругу
семицветные шары
и я распятый
на планете без названья
пил сладкий сок
из стебелька травы.

Михаил СМОТРОВ,
работник молодежного
научно - производственного
центра

Здравствуй,
друг степей — калмык,
хоть ты ростом не велик,
но зато веревкой вяжешь
одичалого коня,
а потом на нем же
скачешь,
тело низко наклоня.
Ты. привычен
к снегопаду
и к жаре давно привык,
ничего тебе не надо,
потому что ты — калмык.
Лишь бы неба войлок
синий
колыхался наверху
да кобылки злые спины
извивались на бегу.
Здравствуй, здравствуй,
друг степей,
ты кумысу мне налей!

Вот лебедь резиновый
в море плывет,
ни буря, ни солнце
его не берет,
он хлеба не просит
и воду не пьет,
лишь по морю тихо
плывет и плывет,
плывет и плывет...
Вот так бы и я
до вечерней звезды
хотел бы проплавать,
не зная беды.

Аэробусом из Монако
патристам тверской земли
двухметровый
бронзовый якорь
погрузили и повезли.
Высоко летел аэробус,
небо резал, как поролон,
но в пути, обигая
глобус,
почему-то взорвался он.
И попадали вниз печально
всевозможные части тел.
Ну и якорь мемориальный,
соответственно, полетел.
И упал он,
в почву вонзившись,
в заповедном глухом
лесу,
своей тяжестью
обломивши
на березе ветвистый сук.
Своеобразие флоры
здешней
разместилось якоря близ:
вкруг него разросся
орешник,
ветви ясеня вознеслись.
Но и в зелени полумрака
человечеством позабыт,
двухметровый
бронзовый якорь
сохраняет могучий вид.
Несгибаемый, точно
боцман, —
в доску спившийся
сукин сын,
возвышается очень грозно
этот якорь, как исполин.
И лесник, взирая
премудро
на посланца
дальних высот,
говорит: «Однако,
полундра
моряки — железный
народ!»